

Творческий клуб

Наталья
ПРЕСНЯКОВА

Мне не стыдно стоять на коленях,
поверхте,
там, где травы скорели
когда-то в войну.
Где прощальное слово солдата
в конверте
до сих пор так тревожит и мать,
и жену.
Мне не стыдно склониться,
читая молитву,
за ребят,
что сейчас погибают в бою.
Если бы взяли меня,
я пошла бы на битву,
за детей жизнь отдать
мне не жалко свою.
Мне не стыдно быть русской,
хоть я – украинка,
родилась в довоенном донецком
краю...
Брянский край пусты на карте
только краинка,
подарил он мне веру
в большую семью.
Мне не стыдно просить
за Россию, о, Боже:
каждый раз возрождалась
из пепла она.
Пусть душающей
на других не похожа,
но за это давно
заплатила сполна.
...Мне не стыдно стоять
на коленях у храма.
Я молитву прочту за спасенье
страны:
«...Ты позовешь нам, Господь,
пронести твоё знамя,
мы Тебе и России все так же
верны!»
(г. Трубчевск, Брянская обл.)

Лев
БАСКИН

ЯСНАЯ МЫСЛЬ

В добром здравии и при сile,
Мыслью ясной деляться рад,
Наша жизнь состоит из усилий,
А за Всевышним
всегда результат.
(г. Сласск-Дальний,
Приморский край)

Василий
ГАВРИЛЕНКО

Проснуться – и не помнить сна,
Как будто с этим сном родиться.
Зачем я помню эти лица?
Пейзаж, растущий из окна,
довольно грустный и суроный.
Как непрощающая война?
Но – поднатужиться, забыться
И сбросить то,
что враз не бросили:
Душа и память, словно птицы,
Бегущие из плена осени.
(г. Брянск)

Николай
БУШЕНЕВ

ПРОЛОГ ЗИМЫ

Уже и ночь по-зимнему ясна.
И холодна. И полная луна
Выводит звёзд
сверкающую стаю.
Искрится иней, звёзды повторив,
На жидких ветках облетевших ив,
На серых брёвнах
древнего сарая.
И на земле илгистый иней лёг.
Он, как зимы
торжественный пролог,
Незамутнённо, радостно лучится.
Вот-вот и снег
повалит без конца.
И запряг я в сани жеребца,
И он, храпя взволнованно,
помчится...
(г. Череповец, Вологодская обл.)

Желтый кленовый лист, совершая немыслимые пирамиды, спланировал откуда-то сверху на аллею парка. Рядом упал второй. Человек в плаще и примятой шляпе, ступая по опавшим листьям, шел вдоль старых кленов, посаженных еще в те годы, когда ни его, ни других нынешних горожан еще не было на свете.

Парк был достопримечательностью города. Небольшой и уютный, окруженный решетчатой высокой оградой, он придавал неповторимое очарование окружающей одноэтажной застройке. Высокие кроны деревьев образовывали некий центр, куда во всяком время года стремились попасть и дети, и взрослые. Несмотря на то, что со временем здесь установили несколько аттракционов, сохранилось небольшое число тихих уголков, которые любил посещать в выходные дни Модест Афанасьевич Кусков, местный художник, известный почитателям и выразительной импрессионистикой.

Сын был большим знатоком живописи, даже собрал небольшую коллекцию картин, которые по случаю приобретал в столичных салонах или ему их дарили коллеги по искусству.

Когда-то Кусков сам часто приходил в городской парк, чтобы написать здесь пару этюдов, но со временем чувство новизны от общения с природой у него притупилось и он предпочитал больше работать дома, тем более опыта и фантазии ему было не занимать. В свое время он считался среди городских художников новатором в искусстве, и его лихие, как однажды выразился его товарищ по кисти Иван Красиков, шедевры вызывали ажиотаж на местных выставках. Даже появился последователь среди молодых художников, подражавших ему, и на выставках порой трудно было отличить подлинного Кускова от «ненастоящего». Впрочем, он был довольно равнодушен к славе и его не прельщали хвалебные отзывы.

Хотя однажды приезжий столичный искусствовед довольно едко прошелся в своей обзорной статье по творчеству Модеста Кускова, назвав его оторванной от реальности мазней. Тот сначала обиделся, но затем пришел к выводу, что на вкус и цвет товарищей нет, на том и похорел ту писанину. Тем более у него нашлось много защитников.

Потом социалистический реализм куда-то исчез, а вместе с ним был потерян интерес и к разным «измам» на местном уровне. Выставки тоже стало некому проводить. Кусков замкнулся, писать стал редко, а тем более выставляться. Но вот эти прогулки в парке по-прежнему доставляли ему удовольствие.

Пройдя пару раз туда и обратно по центральной аллее Модест Афанасьевич заметил скобу среди деревьев одинокую фигуру. Он сразу отметил необычность ее движения, точнее стояния, в отличие от несуетливо прогуливающихся заседателей. Присмотревшись, узнал знакомый наклон над мольбертом собрата художника и пошел в этом направлении.

Это была девушка в свитере и бетонке. Перед ней, на краю дорожки, стоял этюдник с прикрепленным холстом на подрамнике. На нем уже были видны очертания осенне-пейзажа, намечены стволы деревьев и наложен первый тон ковра упавших листьев. Она аккуратно насыпала кистью маленькие мазочки, стараясь точно передать все детали натуры.

Девушка заметила Кускова и узнала его. Взяла кисти в руку и отложив палитру, повернулась в его сторону.

– Здравствуйте, Модест Афанасьевич.
– Приветствую молодое поколение, – шутливо ответил ей Кусков.

– Вот, выбралась на природу.
– Похвально, – заметил мэтр. – Какими путями и откуда?
– Решила вспомнить прошлое, когда-то закончила здесь художественную школу. Помню, как вы у нас выступали...
– Значит, не совсем любительница, – приободрил ее Кусков.
– К сожалению, работаю не по этому профилю, но иногда пишу для себя, когда свободное время.
– Ну что ж, продолжайте, успехов, – Кусков уже собрался возобновить свой прерванный променад, но девушка снова обратилась к нему:
– Может быть покажете, как нужно правильно

работать на натуре?

У Кускова приятно засосало под ложечкой, тайная сила притяжения кисти и красок неожиданно взыграла в нем. Постояв в небольшом раздумье, он снял плащ и аккуратно сложил его на траве. Затем, потерев ладони друг о друга, подошел к этюдинику и попросил дать ему в руки кисти. Выбрав самые большие, начал выдавливать из тюбиков на палитру краски.

– А вас как зовут, – не отрываясь от этой работы произнес Кусков.

– Светлана, можно просто Света, – отвела та.

– Ну вот и хорошо, считайте познакомились, – он мастихином соскоблил с холста все, что было там положено до него и начал смешивать новые краски.

Девушка зачарованно смотрела на его священное действие. Тот, смело набрав на кисть нужный цвет, положил громадный рыжий мазок поверх следов предыдущего изображения. Заnim последовали другие и вскоре вся поверхность холста представляла собой искрящуюся переливами многослойную рельефную фактуру.

По мере того как его работа подходила к концу, менялось лицо его собеседницы. Сначала она молчаливо вглядывалась в мелькание кисти художника, затем оно вытянулось в скорбное выражение.

– Ну вот, вроде и можно заканчивать, – удовлетворенно произнес Кусков, вытирая кисти тряпочкой, лежавшей рядом с палитрой.

Он только сейчас заметил, что вокруг собралось несколько человек, с интересом и любопытством наблюдавших за работой художника. Соглядаясь тот никогда не избегал и не боялся, в своем мастерстве был уверен и смело отставал собственные взгляды на любые возражения. Но все вокруг молчали.

Молча стояла и Светлана.

Передав ей кисти и отойдя от холста, он поправил шляпу и удовлетворенно хмыкнул, затем поднял с земли плащ. Но не стал его одевать, а повесил на руку и, попрощавшись с художницей, двинулся дальше по аллее, надеясь еще некоторое время провести в парке.

Посмотрев вслед удаляющейся фигуре Кускова, девушка подошла к этюдинику и начала его складывать. Снятый холст прислонила к дереву и стала собираться сама.

– Мама, а почему тётя плачет, – услышала она детский голос, внезапно раздавшийся рядом.

Посмотрев вслед удаляющейся фигуре Кускова, девушка подошла к этюдинику и начала его складывать. Снятый холст прислонила к дереву и стала собираться сама.

– Мама, а почему тётя плачет, – услышала она детский голос, внезапно раздавшийся рядом.

Выпуск
№ 7

«Земляки»

Виталий
ЗИНЧЕНКО

ЛИСТОПАД

Отговорил октябрь, отговорил.
Уже капризно лист роняет ива.

И всё вокруг

торжественно красиво,

Глаз оторвать не просто нет сил.

Становится природа огневой,

Одевшись

в разноцветье листопада.

Рассыпав всюду серебро и золото

Своей раскрепощенной листовой.

Такое царство осени манит,

Свою тихой красотой чарует:

Вот листья гладь пруда

слегка целуют,

И паутинка лёгкая летит.

Уже и солнце светит не пала,

Река к себе не манит синевою.

Как хорошо,

шурша сухой листвой,

Бродить в лесу в прохладе октября.

Бродить и видеть

твой зелёный взгляд,

Почувствовать

твой прикосновенье.

Остановить

прекрасное мгновенье,

Уйдя в неторопливый листопад...

(г. Слуцк, Белоруссия)

Людмила
БАРИНОВА

ХРИЗАНТЕМЫ

Всё пусто, голо, веток хруст.

В саду покой и запустение.

И только хризантемы куст

Цветёт, цветёт на удивление!

Привет прощальный ноября,

Искрится нежными цветами,

И солнышко его

приветствует лучами,

Тепло последнее ему даря.

Печален сад без листвьев,

тих и пуст,

Тоску холодный ветер навевает,

Но тот любимый хризантемы куст

Теплом и радостью мне сердце

наполняет.

(г. Смоленск)

Алексей
КРАЕВОЙ

Я повторяю вновь и вновь:
Надежда, вера и любовь!

Три ипостаси святы эти.

Нет ничего милей на свете.

(г. Новозыбков)

Александр
МЕЛЬНИКОВ

Где туманы синие и трава в росе,
Говорила тихо ты что-то о себе.

Сочиняла видимо,

на меня смотря,

Ты хотела жалости, ты ее нашла.

Поседели локоны,

бесконечна грусть,

Трудно в одиночестве –

спорить не берусь.

Прикоснусь ладонями

к волосам твоим,

Кружится как облако

сигареты дым.

Где-то правда спрятана,

может быть в вине,

На двоих не делится,

что осталось мне.

И туманом скрытые слезы

на глазах,

Кем-то позабытые –

смелые в словах.

Вот туман развеется,

высохнет слеза –

Может все изменится,

станет как тогда.

И внезапной жалости скроются

слезы,

И трава расправится,

где встречались мы.

(г. Таллин, Эстония)

«Осенний пленэр». Фото Александра КУЛЕШОВА (г. Новозыбков)